

обедать, Эмма, потчуйте отборною рыбой и птицей, но предоставьте ему самому выбрать себе жену. Будьте покойны, мужчина в двадцать шесть или двадцать семь лет от роду умеет позаботиться о себе сам.

ГЛАВА 2

Мистер Уэстон был уроженец Хайбери и происходил из почтенного семейства, которое за последние сто лет понемногу возвысилось из низов до благородного и имущего сословия. Он получил хорошее образование, но, унаследовав смолоду небольшие деньги, проникся нерасположением к более обыденным занятиям, коим посвятили себя его братья, и, влекомый живым, деятельным умом и общительною натурой, вступил в ряды сформированной в ту пору милиции своего графства*.

Капитан Уэстон был всеобщий любимец, и, когда превратности военной жизни свели его с мисс Черчилл, принадлежавшей к одной из знатнейших фамилий Йоркшира, и мисс Черчилл в него влюбилась, это никого не удивило, кроме ее брата с женою, которые никогда его не видели, но исполнены были гордыни и сознания своей значительности, каковые не могло не оскорбить подобное родство.

Мисс Черчилл, однако, будучи в совершенных годах и полновластно распоряжаясь своим состоянием — никоим образом, правда, не соизмеримым с фамильными богатствами, которыми владело ее семейство, — упрямо не поддавалась на уговоры, и замужество состоялось, к безмерному унижению мистера и миссис Черчилл, которые, соблюдая для видимости должное благоприличие, порвали всякие отношения с нею. То был неудачный союз, он никому не принес

---

* *Милиция* — территориальные войска Англии, которые не выводились за пределы страны и формировались во время войн или внутренних волнений.

счастья. Миссис Уэстон следовало бы найти в нем для себя больше хорошего, так как ей достался муж, который, по чистоте сердечной и щедрости натуры, рад был отдать ей что угодно за великую милость быть ею любимым; но она хотя и обладала характером, однако не самым лучшим. Ей хватило духу настоять на своем вопреки воле брата, но недоставало решимости удержаться от безрассудных сожалений о безрассудном братнем гневе и от тоски по роскоши, окружавшей ее дома. Они жили не по средствам, и все-таки в сравнении с Энскумом это было ничто; она не разлюбила мужа, но ей хотелось быть в одно и то же время и женою капитана Уэстона, и мисс Черчилл из имения Энским.

Капитан Уэстон, который, как считали все, а в особенности Черчиллы, составил столь бесподобную партию, понес от нее в конечном счете наибольший урон, ибо, когда жена его, после трех лет замужества, умерла, он оказался заметно беднее, чем вначале, и к тому же с ребенком на руках. Впрочем, от расходов по содержанию ребенка он в скором времени был избавлен. Мальчик сделался причиною худого ли, доброго ли, но примирения, коему, в качестве обстоятельства, смягчающего сердца, способствовала и долгая болезнь его матери: мистер и миссис Черчилл, не имея своих детей, ни другого юного существа, равно близкого им по родству, вызвались вскоре после ее кончины полностью взять на себя заботу о маленьком Фрэнке. Можно предположить, что вдовый отец его испытал сомнения и неохоту, однако соображения иного порядка взяли верх, и он вручил дитя попечениям богачей Черчиллов; сам же отныне должен был тревожиться только о собственном благополучии и думать о том, как поправить свое состояние.

Ему настала пора круто переменить свою жизнь. Он решил покинуть милицию и заняться торговлей, благо его братья успели хорошо зарекомендовать себя на этом поприще в Лондоне и ему не замедлила представиться удачная возможность начать. Дела по службе обременяли его как раз в меру. Он по-прежнему владел маленьким домиком в Хай-бери, где и проводил большую часть дни досуга, и, деля

свое время меж полезной работой и приятным обществом, беспечально прожил следующие восемнадцать или двадцать лет. За этот срок он обеспечил себя изрядным достатком — таким, что мог позволить себе приобрести примыкающее к Хайбери имение, давний предмет его вожделений, позволить себе взять в жены такую невесту, как мисс Тейлор, без гроша за душою — одним словом, жить сообразно влечениям своей дружелюбной и общительной натуры.

Влияние мисс Тейлор на его планы начало ощущаться довольно давно, но не то тираническое влияние, которое молодость оказывает на молодость, — оно не ослабило в нем решимости зажить семейной жизнью не ранее, нежели он сможет приобрести Рэндалс, хотя до продажи Рэндалса оставалось далеко; он твердо следовал своим путем, не теряя из виду этой цели, и наконец достиг ее. Он нажил себе такое состояние, купил такой дом, завел такую жену, которых желал, и новый период существования обещал ему больше счастья, чем любой из пережитых дотоле. Он никогда не был несчастлив: от этого, даже во времена первого брака, его уберегал склад характера, однако теперь, во втором браке, ему предстояло изведать, сколь усладительно общество женщины благомыслящей, неподдельно добросердечной, обрести приятнейшее свидетельство тому, насколько лучше, когда вы выбираете, а не вас выбирают; когда вы не испытываете чувство благодарности, а сами внушаете его другим.

Ему не было нужды угождать своим выбором никому, кроме себя, он один был хозяин своему состоянию, — что до Фрэнка, то его не просто воспитывали, молчаливо подражая, что готовят в наследники дядюшке, но усыновили открыто и гласно: ему предстояло, достигнув совершеннолетия, взять себе фамилию Черчилл, а потому представлялось более чем сомнительным, чтобы ему когда-либо могла потребоваться отцовская помощь. Отец его не имел подобных опасений. Тетка Фрэнка была особа с прихотями и безраздельно управляла супругом, но мистер Уэстон по природе своей был не способен вообразить, чтобы из прихоти, пусть даже самой

сильной, можно было причинить ущерб тому, кто столь дорог — и дорог, полагал он, столь заслуженно. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне, гордился им и неизменно отзывался о нем с похвалою, как о превосходном молодом человеке, вследствие чего своеобразная гордость за него сообщалась также и обитателям Хайбери. К нему относились как к одному из своих, что делало его достоинства и виды на будущее отчасти предметом общей заботы.

Мистер Фрэнк Черчилл был для Хайбери своего рода местной достопримечательностью; все сгорало от нетерпения поглядеть на него, хотя он сам, как видно, вовсе не думал отвечать тем же, ибо ни разу за всю жизнь не побывал здесь. Нередко возникали толки, что он приедет навестить отца, однако этого до сих пор так и не произошло.

Теперь, когда отец его женился, все сходилось на том, что такой визит был бы как нельзя более уместным изъявлением сыновнего внимания. Сидела ли миссис Перри за чаем у миссис и мисс Бейтс, приходили ли эти последние, в свой черед, почаяевничать к миссис Перри, ни единый голос не раздавался в противоречие этому. Мистеру Фрэнку Черчиллу было самое время появиться среди них, и надежда на это окрепла, когда прошел слух, что он написал к своей новоявленной матушке по случаю ее свадьбы. Несколько дней кряду, кто бы в Хайбери к кому ни пришел, в разговоре непременно упоминалось милое письмо, полученное миссис Уэстон. «Вы, верно, слышали, какое милое письмо написал миссис Уэстон мистер Фрэнк Черчилл? В самом деле премилое письмо, сколько я понимаю. Мне сказывал о нем мистер Вудхаус. Он читал его и говорит, что такого милого письма в жизни не читывал».

Письмо и вправду было дорогим подарком. У миссис Уэстон, разумеется, и без того составилось о молодом человеке наилучшее представление, а этот красивый знак внимания был несомненным доказательством его недюжинного здравомыслия и счастливо дополнял собою добрые пожелания и поздравления, которые она получила к свадьбе. Она считала себя редкостною счастливицей и, имея за плечами

довольно лет, понимала, какую счастливицей может по справедливости казаться другим, а если о чем и сожалела, то о том лишь, что частично разлучена с дорогими друзьями, чье дружество к ней не охладевало никогда и которым тяжело было расстаться с нею.

Она знала, что по временам ее должно недоставать в их доме, и не могла без сердечной боли подумать, что своим отсутствием отняла у Эммы хотя бы одно удовольствие, прибавила хотя бы единый час тоскливой скуки, — а впрочем, ее милая Эмма была не из слабодушных, ей по плечу было справиться с трудностями, перед которыми иная на ее месте спасовала бы; можно было смело рассчитывать, что ум, энергия и сила духа помогут ей благополучно перенести маленькие тяготы и утраты нового ее положения. И потом, какая удача, что от Рэндалса до Хартфилда рукой подать — ей или Эмме ничего не стоит прогуляться туда и обратно даже без провожатых, — какая удача, что у мистера Уэстона столь покладистый нрав и отменные обстоятельства и даже наступление зимы не помешает им проводить вместе каждый второй вечер.

Вообще говоря, только изредка часы довольства и благодарности судьбе перемежались у миссис Уэстон минутами сожалений; ее довольство, более того, откровенная радость были столь уместны, столь очевидны, что Эмма, хотя и хорошо знала своего батюшку, подчас диву давалась, видя, что он по-прежнему может с жалостью отзываться о «бедной мисс Тейлор», когда они покидали Рэндалс, оставляя ее окруженной всяческим уютом и комфортом, либо она сама покидала их ввечеру, удаляясь в сопровождении своего приятного мужа к собственной карете. Не было случая, чтобы мистер Вудхаус при этом не молвил с тихим вздохом:

— Ах, бедная мисс Тейлор! Она так рада была бы остаться!

Мисс Тейлор уж не воротить было назад — а значит, по всей видимости, не устранить и причину жалеть ее, но все же по прошествии нескольких недель мистер Вудхаус испытал некоторое облегчение. Поток поздравлений

иссяк, соседи не донимали его более изъявлениями радости в связи с событием столь горестным, а свадебный торт, стоивший ему таких огорчений, съеден был до крошки. Собственный его желудок не принимал сладкого и жирного, а допустить, что у других что-то может обстоять иначе, нежели у него, он не умел. То, что было нездорово для него, представлялось ему непригодным и для всех прочих, и потому он горячо уговаривал жениха и невесту вовсе отказаться от свадебного торта, а когда это ни к чему не привело, с такою же горячностью старался воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо отведал его. Он даже взял на себя труд испросить мнения о сем предмете у аптекаря*, мистера Перри. Мистер Перри, человек понимающий, благовоспитанный, чьи постоянные визиты очень скрашивали мистери Вудхаусу существование, будучи призван высказаться, не мог не признать (хотя и казался не весьма к тому расположен), что свадебный торт может в некоторых случаях — пожалуй, в большинстве случаев — действительно повредить здоровью, если, угощаясь им, не соблюдать меры. Заручась таким мнением в поддержку своему собственному, мистер Вудхаус надеялся оказать влияние на всякого, кто посетит новобрачных, но торт, невзирая на это, продолжали все-таки поедать, и не было доброй душе его успокоения, покуда его не доели до последней крошки.

Бродили по Хайбери злостные слухи, что будто бы каждого из малолетних отпрысков мистера Перри видели с куском пресловутого торта в руках, но мистер Вудхаус решительно отказывался этому верить.

---

* *Аптекарь* — так во времена Джейн Остен называли любого медика средней руки, практикующего в сельской местности. В медицинской иерархии аптекарь занимал вторую ступень после врачей, т. е. членов Колледжа врачей; порой случалось, что аптекарь вообще не имел специального образования. Лишь немногие из аптекарей были лиценциатами Общества аптекарей. На низшей ступени медицинской иерархии стояли хирурги, которые вплоть до 1745 г. объединялись в одну гильдию с цирюльниками.

ГЛАВА 3

Мистер Вудхаус на свой лад не чуждался общества. Он очень любил, когда к нему приходили друзья и, по совокупности разных причин — таких как старожительство в Хартфилде и прирожденное радушие, как богатство, и дом, и дочь, — мог большей частью регулировать дружественные визиты в пределах своего тесного кружка, как ему нравилось. Ни с одним семейством за пределами этого кружка он не поддерживал особых сношений; беседы допоздна и многолюдные званые обеды внушали ему ужас, он мог водить близкое знакомство лишь с теми, кто соглашался навещать его на его собственных условиях. К счастью для него, в Хайбери — считая Рэндалс в том же церковном приходе и Денуэллское аббатство, имение мистера Найтли в соседнем, — таковые имелись во множестве. Частенько, уступая настояниям Эммы, он звал кого-нибудь из самых достойных, избранных, к обеду, но предпочитал собирать у себя друзей по вечерам, и редко выпадал такой вечер — разве что сам он, по недомоганию, мнил себя неспособным принять гостей, — чтобы ему не доставало партнеров за ломберным столом.

Неподдельная, испытанная привязанность приводила к нему в дом чету Уэстонов и мистера Найтли, что же до мистера Элтона, то можно было не сомневаться, что сей молодой человек, живя один и наскуча этим, не упустит лестную возможность променять в свободный вечерок пустое одиночество в своем доме на общество в изысканной гостиной мистера Вудхауса и на улыбки его прелестной дочери.

За этой компанией следовала другая, и в ней наиболее легки на подъем были миссис и мисс Бейтс, а также миссис Годдард — три дамы, почти всегда готовые откликнуться на приглашение в Хартфилд, — их привозили и отвозили столь часто, что мистер Вудхаус не усматривал в том ни малейшей тягости ни для Джеймса, ни для лошадей. Когда бы такое случалось всего раз в году, то сетованиям его не было бы конца.

Миссис Бейтс, вдова прежнего хайберийского викария, была глубокой старушкой и мало на что годилась, помимо чашки чая да партии в кадриль. Она жила с единственной дочерью крайне скромно, и все относились к ней с почтением и заботливостью, какие внушает безобидная старость в стесненных обстоятельствах. Дочь ее пользовалась популярностью чрезвычайно необычной для женщины, не обладающей ни молодостью, ни красотой, ни богатством, и притом незамужней. Дабы снискать себе всеобщее расположение, ничего худшего нельзя придумать, и добро бы недостающее возмещалось у мисс Бейтс умственным превосходством, понуждающим тех, кто невзлюбил ее, выказывать ей из робости внешнее уважение, — но нет. Она никогда не могла похвастаться ни женскою привлекательностью, ни большим умом. Молодые годы ее прошли не отмеченные ничем примечательным; зрелые посвящены были заботам о дряхлеющей матери и стараниям как-то сводить концы с концами при более чем скудных доходах. А между тем она была счастливою женщиной — женщиной, которую никто не поминал иначе, как добром. Творило эти чудеса ее собственное доброе расположение к людям, ее умение довольствоваться малым — она всех любила, принимала к сердцу благо каждого, в каждом умела разглядеть хорошее, себя считала истинной избранницей судьбы, которая осыпала ее своими дарами, дав прекрасную мать, столько добрых друзей и соседей и дом, в котором есть все, что нужно. Простодушие и непритязательность, добрый нрав и благодарная натура располагали к ней всякого и не давали унывать ей самой. Она была изрядная любительница посудачить о разных пустяках, чем как нельзя более соответствовала вкусу мистера Вудхауса, для которого постоянно служила источником незначущих новостей и невинных сплетен.

Миссис Годдард содержала школу — не гимназию, не институт или иное высокоученное заведение, где, не жалея пустых и вычурных фраз, превозносят обучение, построенное на самонаивнейших принципах и новомодных системах, в коем гуманитарные познания сочетаются с правилами высокой

нравственности и где учениц, за непомерную плату, корежат на все лады, отнимая у них здоровье и награждая взамен тщеславием, — но настоящую, без обмана, старомодную школу-пансион, где за умеренную плату можно приобрести умеренные знания, куда можно отослать с рук долой юную девицу понабраться кой-какого образования, не опасаясь, что она вернется назад кладезем учености. Пансион миссис Годдард пользовался доброю славой, и справедливо: климат Хайбери почитался целебным, миссис Годдард держала просторный дом и большой сад, кормила детей обильной и здоровой едою, летом не мешала им резвиться в саду, а зимой собственноручно оттирала им обмороженные щеки. Неудивительно, что в церковь ее сопровождали парами сорок юных воспитанниц. Это была женщина с простым лицом, по-матерински степенная, которая в молодые годы трудилась, не зная устали, и считала, что ей не грех теперь изредка побаловать себя чаепитием в гостях; многим обязанная в прошлом доброте мистера Вудхауса, она признавала за ним исключительное право вытребовать ее к себе из опрятной гостиной, увешанной вышивками пансионеров, и при случае не отказывалась выиграть или проиграть несколько шестипенсовых монет, сидя у его камина.

Таковы были дамы, которых Эмма могла очень часто собирать у себя и счастлива была, что может, хоть ей самой это ни в коей мере не возмещало отсутствия миссис Уэстон. Она радовалась, видя, что отец ее убогатворен, и не могла не хвалить себя, что столь славно всем распоряжается, однако под усыпительно размеренную беседу, которую вели ее достойные гости, невольно ловила себя на мысли, что не зря со страхом рисовала себе долгие вечера без миссис Уэстон.

Однажды утром, когда она сидела в предвидении того, что и нынешний день завершится так же, ей принесли записку от миссис Годдард, в которой та со всевозможной почтительностью испрашивала позволения привести с собою мисс Смит, и ее просьба пришлась очень вовремя — эту мисс Смит, девицу семнадцати лет, Эмма хорошо знала в лицо

и давно к ней приглядывалась с интересом, привлеченная ее красотой. В ответ последовало любезное приглашение, и мысль о предстоящем вечере уж не страшила более очаровательную хозяйку Хартфилда.

Гарриет Смит была побочною дочерью, но чьей? Кто-то несколько лет назад поместил ее в школу миссис Годдард; кто-то возвысил ее недавно до положения пансионерки, живущей одним домом с хозяйкою пансиона. Вот и все, что было общеизвестно об ее истории. Она, кажется, не имела друзей, кроме тех, которыми обзавелась в Хайбери, и теперь только что вернулась из деревни, где продолжительное время гостила у прежних своих подруг по пансиону.

Она была очень недурна собой и обладала того рода красотой, которой в особенности восхищалась Эмма, — невысокого роста, пухленькая и белокурая, с ярким румянцем, молочно-белой кожей, голубенькими глазками и правильными чертами лица, хранящего удивительно ясное выражение. Ее манеры пленили Эмму не менее, чем ее наружность, и задолго до окончания вечера она исполнилась решимости продолжить это знакомство.

Не сказать чтобы мисс Смит хоть единожды поразила ее в разговоре блеском ума, однако это не помешало Эмме найти ее чрезвычайно располагающей к себе — ни обременительной застенчивости, ни привычки отмалчиваться, — а между тем она была столь далека от навязчивости, столь прилично держалась на должном расстоянии, дышала такою признательностью за то, что допущена в Хартфилд, столь безыскусственно показывала, какое впечатление производит на нее обстановка, несравненно превосходящая своею изысканностью ту, к которой она привыкла, что все это изобличало в ней здравый смысл и заслуживало поощрения. А если так, то следовало оказать ей это поощрение. Нельзя, чтобы эти томные голубые взоры, чтобы все эти природные прелести расточались напрасно в низком обществе Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые у нее завязались здесь, не достойны ее. Те друзья, от которых она только что приехала, хотя

и неплохие люди, но дружба с ними не может не быть для нее вредна. То было семейство по имени Мартин, хорошо известное Эмме по отзывам; они арендовали большую ферму у мистера Найтли и жили в Донуэллском приходе очень достойно — по всей видимости, мистер Найтли был о них высокого мнения, — но наверняка оставались при этом людьми грубыми, неотесанными и никак не годились в близкие друзья девушке, которой для полного совершенства недоставало лишь немного искушенности и лоска. Она сама обратит на нее внимание, разовьет ее способности, отвратит от дурного общества и введет в хорошее, образует ее суждения и манеры. Это будет увлекательное и, конечно же, доброе дело, в высшей степени подобающее ее положению, досугу и способностям.

Она была так занята своею гостьей, любясь ее томными голубыми глазками, расспрашивая и слушая ее, а в промежутках вынашивая свои планы, что вечер, против обыкновения, пролетел, как одна минута, — стол уже накрыт был для ужина, которым всегда завершались подобные встречи, и придвинут к огню, и кушанья готовы, а она и не заметила, хотя прежде, бывало, томилась в ожидании, когда для него настанет время. С готовностью, вызванной не одною только всегдашней слабостью к хвале, которой награждают умелую и заботливую хозяйку, — с неподдельным радушием и в восторге от мысли, которая посетила ее, Эмма принялась хлопотать за столом и, зная привычку своих гостей рано ложиться спать, а также их благовоспитанную сдержанность в обществе, с особым усердием потчевала их фрикасе из цыплят и устрицами, запеченными в раковинах.

Бедный мистер Вудхаус, как обычно в подобных случаях, раздираем был противоречивыми чувствами. Он любил угощать друзей за своим столом, ибо таков был обычай его молодости, но уверенность, что ужинать не полезно, заставляла его морщиться при виде каждого нового блюда; из хлебосольства он счастлив был бы накормить гостей до отвала — из тревоги за их здоровье огорчался, видя, как они отдают должное его угощению.

Единственное, что он мог бы рекомендовать им со спокойной совестью, — это мисочку жидкой овсяной каши, вроде той, которая стояла перед ним самим, однако, глядя, как его гости преспокойно уплетают более лакомые яства, он довольствовался замечаниями, вроде:

— Мисс Бейтс, я рекомендовал бы вам отведать яичко. От яйца всмятку не может быть большого вреда. Никто так не умеет сварить яйцо, как наш Сэрли, я никогда не предложил бы вам яйцо, сваренное не им... Да вы не бойтесь — видите, какие они мелкие, — одно маленькое яичко, это не беда. Мисс Бейтс, если позволите, Эмма отрежет вам кусочек сладкого пирожка — *совсем крошечный*. У нас пекут пироги только со свежими яблоками, можете не опасаться. Все, что заготовлено впрок, нездорово. Крем? Не советую. Миссис Годдард, полрюмочки вина — что вы скажете? *Меньше* половины, а остальное дольем водой? Я полагаю, от такой малости здоровье ваше не пострадает.

Эмма не мешала отцу говорить, а сама тем временем подкладывала и подливала гостям щедрой рукою; в этот вечер ей было как никогда приятно доставить им удовольствие. В отношении мисс Смит это вполне ей удалось. Мисс Вудхаус была в Хайбери такою важной персоной, что перспектива быть представленной ей вызвала в душе мисс Смит столько же смятения, сколько радости, — но, покидая ее дом, маленькая смиренница была наверху блаженства, исполненная благодарности к мисс Вудхаус, которая так обласкала ее в этот вечер и даже пожала ей руку на прощанье!

ГЛАВА 4

В скором времени Гарриет Смит сделалась в Хартфилде своим человеком. Эмма, быстрая и решительная по природе, без отлагательства начала приглашать ее и приваживать, поощряя ее приходить чаще, и, по мере того как укреплялось их знакомство, возрастала и обоюдная приязнь. Сколь полезной

может оказаться мисс Смит как спутница во время прогулок, Эмма предвидела с самого начала. В этом отношении утрата миссис Уэстон весьма была заметна. Родитель Эммы никогда не заходил далее аллеи парка, которого ближняя или дальняя половина, смотря по времени года, служила ему границей прогулки, и Эмме после замужества мисс Тейлор очень недоставало моциона. Она отважилась как-то предпринять одну вылазку в Рэндалс, но нашла это неприятным, и в такой подруге, как Гарриет Смит, которую в любое время можно позвать на прогулку, видела ценное для себя приобретение. Впрочем, и во всех других отношениях чем ближе она узнавала ее, тем более одобряла и тем прочнее утверждалась в своих добродетельных замыслах.

Гарриет определенно не отличалась большим умом, но зато обладала легким, покладистым, благодарным нравом, не знала, что такое тщеславие, и с готовностью подчинялась руководству того, которого почитала выше себя. Привязанность ее к Эмме с первых же дней внушала умиление, а ее склонность к хорошему обществу, умение достойно оценить изящество и изощренность в других выдавали хороший вкус, хотя напрасно было бы ждать глубины и тонкости от нее самой. Словом, Эмма не сомневалась, что Гарриет Смит и есть та наперсница, которая ей надобна, — то самое, чего недостает ей в доме. Не миссис Уэстон, разумеется, — об этом не могло быть и речи. Второй такой было не найти. Второй такой Эмма и не желала. То стояло особняком — то было чувство неповторимое, единственное. Миссис Уэстон была предметом любви, взращенной благодарностью и уважением. Гарриет будет дорога тем, что ей можно принести пользу. Для миссис Уэстон ничего нельзя было сделать; для Гарриет можно было сделать все.

Первые усилия Эммы принести пользу состояли в попытке установить, кто родители Гарриет, однако ей не удалось добиться толку. Гарриет рада была бы сообщить все, что может, но расспросы в этом случае оказались тщетны. Эмме оставалось воображать что угодно — она только не могла не думать, что *сама* в подобных обстоятельствах непременно выведала бы

правду. Гарриет не отличалась пытливостью. Она довольствовалась тем, что почитала нужным сказать ей миссис Годдард, — она слушала, верила и не задавалась вопросами.

Миссис Годдард, учительницы, пансионерки, вообще школьные дела занимали, естественно, большое место в ее разговоре — и заполнили бы его без остатка, когда бы не знакомое ей семейство Мартинов с фермы Эбби-Милл. К Мартинам мысли ее обращались постоянно; она провела у них два безоблачных месяца и любила рассказывать, какие удовольствия получила за это время и каких прелестей и чудес насмотрелась на ферме. Эмма поощряла ее словоохотливость — ее развлекали эти картинки иной жизни и занимала юная простота, способная с таким жаром рассказывать, что у миссис Мартин в доме «две залы, отличнейшие залы — одна, право же, не уступает величиною гостиной миссис Годдард, и она держит экономку, которая живет у нее целых двадцать пять лет, а коров у них восемь, среди них две олдернейской породы и одна валлийской, прехорошенькая коровка, и миссис Мартин сказала, что раз ей так приглянулась эта коровушка, то ее следует называть отныне *ее* коровушкою, а в саду у них красивая беседка, и в будущем году все они как-нибудь пойдут туда пить чай, ужасно красивенькая беседка, и в ней без труда могут поместиться десять человек».

Некоторое время Эмма предавалась своему развлечению, не задумываясь о том, что стоит за каждой фразой, то, получая все более полное представление о семействе Мартинов, мало-помалу прониклась новым чувством. Ей казалось, что на ферме живут мать с дочерью, сын и его жена, но, когда выяснилось, что мистер Мартин, который непременно присутствовал в рассказах и упоминался всякий раз с похвалою за добродетель, явленную в том или ином поступке, — что этот мистер Мартин холост и что молодой миссис Мартин, жены его, не существует, тогда заподозрила Эмма, чем угрожает бедняжке Гарриет все это гостеприимство и радушие, — и поняла, что если не взять ее под свою защиту, то ей не миновать уронить себя невозвратно.

Одушевленная этою мыслью, она умножила число своих вопросов и углубила их, с умыслом побуждая Гарриет больше говорить о мистере Мартине, что явно не вызвало сопротивления. Гарриет с великой охотою рассказывала о том, как он участвовал в прогулках при луне и веселых играх по вечерам, не забывая отмечать, сколь он приветлив и любезен. Однажды изъездил три мили вокруг, чтобы добыть ей грецких орехов, потому что она обмолвилась, как любит их, — да и во всем прочем он неизменно так был услужлив! Как-то вечером он позвал в залу сына своего пастуха затем лишь, чтобы мальчик пел для нее. Она ужасно как любит пение. Он и сам недурно поет. Вообще он, кажется, умеет и понимает все на свете. Овцы у него отборные — в бытность ее на ферме никому в округе не предлагали такую высокую цену за шерсть, как ему. Ни от кого не слыхала она о нем ничего, кроме хорошего. Мать и сестры души в нем не чают. Миссис Мартин однажды сказала ей — говоря это, Гарриет зарделась, — что лучшего сына и вообразить невозможно и она уверена, что он станет примерным супругом, когда женится. Она, впрочем, вовсе не жаждет, чтобы он женился. Торопиться незачем.

«Ловко, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы свое дело знаете».

А когда она уезжала, то миссис Мартин была столь добра, что послала миссис Годдард отменного гуся — миссис Годдард в жизни не видывала такого славного гуся! Она изжарила его в воскресенье и пригласила к ужину всех трех учительниц — мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон.

— Мистер Мартин, я полагаю, человек, не слишком сведущий в тех предметах, кои не входят в круг его занятий. Он не привержен к чтению?

— Ах, напротив! А впрочем, нет... не знаю... но, по-моему, он изрядно начитан — только в ваших глазах такого рода чтение мало что значит. Он читает «Земледельческие ведомости» и другие книжки, сложенные на диванчике у окна, — *эти* он читает про себя. А по вечерам, прежде нежели нам садиться за карты, читает и вслух «Извлечения из изящной

словесности» — чудо, как интересно. «Векфилдского священника» он читал, я знаю, а такие книжки, как «Лесной роман» и «Дети аббатства», — нет*. Про эти книги он и не слышал, куда я не помянула их, но теперь непременно постарается раздобыть их как можно скорее.

Следующий вопрос был:

— А каков он собою, этот мистер Мартин?

— Ах, не красавец — ничуть не бывало! Вначале он показался мне страх как неказист, но теперь таковым не кажется. Это, вы знаете, со временем проходит. Но разве вы не видели его? Он то и дело навещается в Хайбери, а каждую неделю непременно проезжает мимо по дороге в Кингстон. Вы много раз ему встречались по пути.

— Да, возможно, — и может статься, сама видела его сто раз, не имея понятия, как его зовут. Молодой фермер, будь он конный или пеший, — не тот человек, который способен возбудить во мне любопытство. Крестьяне средней руки — это сословие, с которым у меня не может быть ничего общего. Почтенный селянин ступенькой-другой ниже мог бы еще привлечь мой интерес, его семейству можно было бы надеяться принести ту или иную пользу. Фермер же нисколько не нуждается в моей помощи и потому стоит в одном смысле чересчур высоко, а во всяком ином — слишком низко для моего внимания.

— Это верно. Да, вы едва ли могли его заметить, но он-то знает вас прекрасно — со стороны, я хочу сказать.

---

* Круг чтения мистера Мартина красноречиво говорит о его литературных симпатиях и вкусах. Явно, что в своем выборе он ориентировался на то, что было принято в приличном обществе, поэтому высоко ставил «Извлечения из изящной словесности», книгу, составленную неким Гарриком и пользующуюся в конце XVIII и начале XIX в. большой популярностью в Англии. Конечно, он, человек серьезный и обстоятельный, выше ценил поучительный роман Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» (1766), чем «готическое» сочинение Анны Радклифф «Лесной роман» (1791) и довольно слащавое произведение ирландской писательницы Регины Марии Рош «Дети аббатства» (1798).

— Не сомневаюсь, что он весьма порядочный молодой человек. Более того, я доподлинно знаю это и потому желаю ему добра. Как вы думаете, сколько ему лет?

— Восьмого июня минуло двадцать четыре, а день моего рождения двадцать третьего — ровно две недели и один день разницы! Не удивительно ли!

— Только двадцать четыре года. В такие лета рано обзаводиться семьею. Его мать совершенно права, что не торопится. Им и без этого хорошо, мне кажется, и если бы она теперь постаралась женить его, то после, верно, пожалела бы. Вот если бы лет через шесть нашлась для него подходящая девушка того же круга, и с деньгами, тогда это было бы вполне уместно.

— Лет через шесть! Помилуйте, мисс Вудхаус, ему будет тридцать!

— Ну что ж, ранее этого мужчина чаще всего и не может позволить себе жениться, если не рожден с независимым состоянием. Мистеру Мартину, как я понимаю, только еще предстоит нажить капитал — он, должно быть, совсем не богат. Те деньги, которые достались ему после смерти отца, та доля семейного имущества, которая принадлежит ему, — все это, вероятно, пущено в дело, вложено в скот и так далее, и, хотя со временем, при должном усердии и удаче, он может разбогатеть, весьма сомнительно, чтобы он уже теперь получал чистый доход.

— Наверное, правда ваша. Но живут они в полном довольстве. Разве что не держат в доме мужской прислуги, да и то миссис Мартин подумывает взять мальчика на будущий год, — а так они ни в чем не ведают нужды.

— Как бы вам, Гарриет, не попасть в неловкое положение, когда он все-таки женится, — я говорю о знакомстве с его женою; сестры еще куда ни шло, они хотя бы изрядно образованны, но отсюда не следует, что он непременно женится на особе, достойной вашего внимания. Досадные обстоятельства рождения вашего обязывают вас к сугубой щепетильности в выборе знакомых. Вы — дочь человека высшего круга, в этом

нет сомнений, и должны всеми способами, доступными вам, подтверждать свою принадлежность к этому кругу, иначе всегда сыщутся люди, которые рады будут принизить вас.

— Да, конечно, — как им не сыскаться. Но покуда я входя в Хартфилд и вы так ко мне добры, мисс Вудхаус, меня никто и ничто не страшит.

— Вы, я вижу, понимаете, Гарриет, какую силу имеет покровительство влиятельного лица, однако я желала бы для вас столь прочного положения в хорошем обществе, чтобы вам не зависеть даже от Хартфилда и мисс Вудхаус. Я хочу постоянно видеть вас в подобающем окружении — а для этого разумно было бы по возможности избегать ненужных связей, и потому я говорю, что если вы все еще будете в здешних краях, когда мистер Мартин женится, то не хотелось бы, чтобы дружба ваша с его сестрами вынудила вас к знакомству с его женою, которой станет скорее всего необразованная дочка простого фермера.

— Да. Разумеется. Правда, я думаю, что если мистер Мартин женится, то не иначе как на девушке с образованием — и очень хорошо воспитанной. А впрочем, я не собираюсь оспаривать ваше мнение и вовсе не намерена искать знакомства с его женой. Я всегда буду высоко ценить барышень Мартин, в особенности Элизабет, и мне очень было бы жаль расстаться с ними, тем более что они нисколько не уступают мне в образованности. И все же, если он женится на какой-нибудь неученой простушке, мне лучше будет не посещать ее без крайней надобности.

Эмма следила за переходами этой речи и не усматривала в ней тревожных признаков любовного недуга. Молодой фермер, как подозревала Эмма, был первый поклонник, и только, не значил ничего большего, и она не предвидела серьезных трудностей — Гарриет не станет противиться тому, чтобы она по дружбе устроила ее судьбу.

На другой же день, прогуливаясь по Донуэллской дороге, они встретили мистера Мартина. Он шел пешком и, почти-тельно поглядев на нее, с нескрываемым удовольствием

перевел взгляд на ее спутницу. Эмма была только рада возможности рассмотреть его, и, покуда они разговаривали, она, пройдя несколько шагов вперед, острым глазом учинила мистеру Роберту Мартину осмотр. Он был опрятно одет и вид имел смысленный, однако сверх этого не был отмечен ни единственным личным преимуществом и при сравнении с настоящим джентльменом, решила она, должен был без остатка утратить завоеванную им благосклонность Гарриет. Гарриет не была бесчувственна к манерам, недаром она не только с изумлением, но и с восхищением отмечала учтивость ее отца. Мистер Мартин, похоже было, понятия не имел о том, что такое хорошие манеры.

Они постояли вдвоем лишь несколько минут, ибо негоже было задерживать мисс Вудхаус; затем Гарриет подбежала к ней с улыбкой на лице и в смятении чувств, которое мисс Вудхаус надеялась унять в самом скором времени.

— Подумать только, что нам привелось с ним встретиться! Удивительно! Он говорит, что по чистой случайности не пошел через Рэндалс! Он и не знал, что мы ходим гулять по этой дороге. Он думал, мы обыкновенно ходим по направлению к Рэндалсу. А книжку «Лесной роман» он покамест еще не раздобыл. Когда ездил в Кингстон последний раз, то был так занят, что совсем позабыл о ней, но завтра едет опять. Нет, это, право же, удивительно, что мы повстречали его! Ну что, мисс Вудхаус, таков ли он, как вы ожидали? Что вы думаете о нем? Так ли уж он невзрачен, на ваш взгляд?

— Без сомнения, невзрачен — чрезвычайно, — но это бы еще не беда, когда б не полное отсутствие в нем хорошего тона. Я не имела причины ожидать многого — я многого и не ожидала, но я не могла сообразить, что он столь неотесан, столь безнадежно непрезентабелен. Признаться, я рассчитывала увидеть в нем хоть немного больше породы.

— Да, конечно, — возразила Гарриет, уязвленная, — по сравнению с природным джентльменом, породы в нем меньше.

— Мне думается, Гарриет, с тех пор, как вы сблизились с нами, вам не единожды случалось бывать в обществе природных джентльменов, и вам самой должно было броситься в глаза отличие от них мистера Мартина. В Хартфилде вы имели возможность составить себе представление о том, каков должен быть образованный, благовоспитанный мужчина. Странно, если бы после этого вы, находясь в обществе мистера Мартина, не распознали бы в нем существо низшего порядка и не спросили себя с недоумением, как могли когда-то счесть его привлекательным. Разве вы уже не почувствовали это? И вас ничто в нем не поразило? Вас, я уверена, должны были поразить и нескладная фигура его, и угловатые движения, и этот резкий голос, который достигал даже до меня, ибо его не потрудились понизить.

— Разумеется, до такого, как мистер Найтли, ему далеко. Нет у него ни благородной осанки мистера Найтли, ни его походки. Я хорошо вижу разницу. Но ведь с мистером Найтли трудно равняться!

— У мистера Найтли весь облик исполнен такого благородства, что равнять мистера Мартина с ним было бы несправедливо. Такой, как мистер Найтли, сыщется, может быть, один из ста, столь явственно на нем написано: «джентльмен». Но вы не только с ним одним встречались последнее время. Что скажете вы о мистере Уэстоне и мистере Элтоне? Попробуйте-ка сравнить мистера Мартина с *ними*. Сравните манеру держаться, ходить, разговаривать, молчать. Различие должно быть очевидно для вас.

— О да! Различие есть, и немалое. Но мистер Уэстон уже почти старик. Мистеру Уэстону, вероятно, за сорок, около пятидесяти.

— Тем более ценно, что у него хорошие манеры. Чем человек старше, Гарриет, тем в нем важнее умение вести себя — тем заметнее и отвратительнее становятся несдержанность, грубость, неловкость. То, что сходит человеку в молодости, отталивает от него под старость. Мистер Мартин и теперь неловок и резок, каков же будет он в возрасте мистера Уэстона?

— В самом деле, как знать! — отозвалась с серьезным видом Гарриет.

— Знать нельзя, но можно догадываться. Окончательно огрубеет, опростится, станет мужик мужиком — пренебрежет благоприличием и будет держать в голове одни лишь барыши да убытки.

— Неужели? Это и впрямь будет скверно.

— Он и теперь уже в такой мере поглощен заботами о своей ферме, что забыл спросить себе книжку, которую вы хвалили. Помыслы о купле-продаже вытеснили из памяти его все остальное — как и пристало человеку, который стремится преуспеть в делах. Что такому до книг? И он непременно преуспеет в делах, не сомневаюсь, и разбогатеет со временем, — а что останется при этом невежествен и груб, так нас это не должно тревожить.

— Не понимаю, как он мог не вспомнить про книгу, — только и молвила в ответ Гарриет с важностью и неудовольствием, которым, решила Эмма, можно спокойно было предоставить вызревать и давать плоды. Поэтому она какое-то время хранила молчание. Затем нарушила его:

— В одном отношении, пожалуй, как мистер Найтли, так и мистер Уэстон уступают манерою держаться мистеру Элтону. Он любезнее их. Его манеры скорее можно поставить в пример другим. Мистера Уэстона отличает откровенность, непосредственность, порой граничащая с бесцеремонностью, и *в нем* эти качества всем нравятся, ибо им сопутствует бесконечное добродушие, — однако они не могут служить образцом для подражания. Точно так же, как и манеры, собственные мистеру Найтли, прямолинейному, решительному, властному, — хотя *к нему* они подходят как нельзя лучше — при его фигуре, осанке, при том положении, которое он занимает, они позволительны, но вздумай их перенять человек помоложе, и он сделался бы несносен. И напротив, всякому молодому человеку можно смело посоветовать взять себе за образец мистера Элтона. Мистер Элтон незлобив, покладист, обязателен и любезен. А в последнее время, мне

кажется, стал вдвойне любезен. Не знаю, Гарриет, кроется ли здесь умысел произвести впечатление на одну из нас, но только я примечаю, что никогда еще манеры его не были столь умильны. И если это делается с умыслом, то, значит, в угоду вам. Я вам не говорила, как отозвался он об вас на днях?

И она, не скупясь на краски, пересказала слова похвалы, которую вынудила от мистера Элтона; Гарриет зарделась, улыбнулась и сказала, что всегда отдавала должное его любезности.

Мистер Элтон и был тот, которому, по выбору Эммы, назначалось изгнать из головы Гарриет мысли о молодом фермере. Она решила, что это будет отличная пара — союз, столь несомненно желательный, естественный, возможный, что не так уж велика заслуга устроить его. Может статься, опасалась она, о нем думают, его предрекают все вокруг. Едва ли, впрочем, кто-либо мог оспаривать у нее первенство во времени, ибо она вынашивала этот план еще с того вечера, когда Гарриет впервые появилась в Хартфилде. Чем долее она его обдумывала, тем глубже проникалась ощущением его целесообразности. Положение мистера Элтона было самое подходящее — истый джентльмен, не отягощенный низким родством, но в то же время и не столь родовитый, чтобы сомнительное происхождение Гарриет могло вызвать нарекания со стороны его семейства. Он мог предложить ей прекрасный дом и, как полагала Эмма, полный достаток, ибо хотя доходы викария в Хайбери были невелики, но все знали, что он, помимо того, владеет порядочным состоянием; о нем самом она составила себе весьма лестное мнение как о благожелательном, добропорядочном, достойном молодом человеке, не лишенном должной сметливости и знания света.

Она уже удостоверилась, что красота Гарриет не осталась им не замеченной, и видела в этом для него — при возможности часто встречаться с Гарриет в Хартфилде — многообещающее начало; что же до Гарриет, то на нее, без сомнения, произведет свое обычное безотказное действие та мысль, что ее предпочли другим. И потом, он был в самом деле очень

милый молодой человек — молодой человек, способный понравиться любой женщине, если только она не чересчур привередлива. Его считали интересным, его наружность приводила в восхищение многих — правда, не ее, ибо чертам его не доставало утонченности, без которой она не мыслила себе красоты, — но девочка, которая радовалась тому, что какой-то Роберт Мартин изъездил округу, добывая для нее орехи, вряд ли могла устоять перед поклонением такого человека, как мистер Элтон.

ГЛАВА 5

— Не знаю, миссис Уэстон, какого мнения вы об этой задушевной близости между Эммой и Гарриет Смит, — сказал мистер Найтли, — но я о ней думаю дурно.

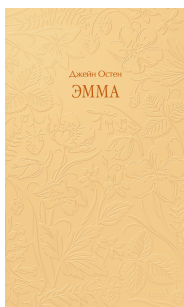
— Дурно? Вы в самом деле видите в ней дурное? Отчего же?

— По-моему, ни той, ни другой не будет от нее пользы.

— Вы меня удивляете! Общество Эммы безусловно полезно для Гарриет, а Гарриет по-своему полезна для Эммы, вносит в жизнь ее нечто новое и интересное. Я наблюдаю за дружбою между ними с величайшим удовольствием. Как мы по-разному смотрим на вещи! Думать, что им не будет друг от друга пользы! Определенно, мистер Найтли, нам с вами не миновать опять поссориться из-за Эммы.

— Вы, чего доброго, вообразили, что я затем и пожаловал сюда, чтобы затеять ссору с вами, зная, что Уэстона нет дома и вам придется самой постоять за себя.

— Мистер Уэстон непременно поддержал бы меня, будь он дома, потому что его мнение в точности совпадает с моим. Мы вчера только говорили, как это удачно, что в Хайбери живет девица, которая может составить общество для Эммы. Вас, мистер Найтли, я не назову в этом случае беспристрастным судьей. Вы так приучились жить один, что не знаете, сколь дорог может быть товарищ, — да и потом, пожалуй,

**Почитать описание и заказать
в МИФе**

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

